

Лит. газ. — 1994. — 16 марта. — с. 2.
Последний диалог

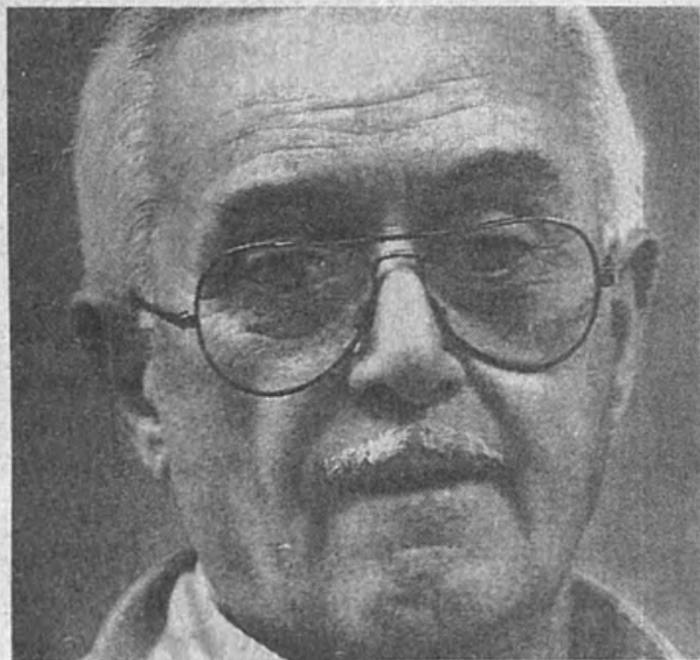

Фото Михаила ЛЕМХИНА

Не буду говорить о том, что значит Тенгиз Абуладзе для мирового киноискусства, — об этом сейчас и так говорят все. Даже те, кто оспаривает это значение, полагая, что “Покаяние” — всего лишь сюрреалистический боевик.

Не буду говорить о том, что значил этот фильм для нашего прозрения, — кто прозрел, тот знает, а кто не прозрел, того не переспоришь.

И о неожиданности этой смерти не буду: она не так уж неожиданна. Достаточно было взглянуть на Тенгиза, и видно было, чего стоила ему вся эта перестройка с разрыванием могил и низвержением памятников.

Скажу о другом. О том разговоре восемь лет назад, когда после просмотра в Доме кино я случайно оказался с ним рядом и наши глаза встретились. Я был в состоянии потрясения и плохо помню, как я ему сказал то, что думал. А думал я, что не грузины должны отвечать за Сталина, но миром — русские должны отвечать, потому что именно русские сделали его диктатором. Кажется, я сказал: “Не вы должны каяться, мы должны каяться”.

Он ответил, впрочем, не помню, как именно он ответил, но как-то так: “Мы — это вы”. Или так: “Вы — это мы”.

Может, он немного не так сказал: я был в потрясении и плохо помню детали.

Но именно это я вынес из того последнего разговора с ним.

Он оставил мне это и с этим остается в моем сознании навсегда.

Лев АННИНСКИЙ